

Жизнь без головы

не 2

Дзен
или
пересмотр
Очевидного

Дуглас Хардинг

Дуглас Хардинг

Жизнь без головы. Дзен, или

Переоткрытие Очевидного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=437295

Дуглас Хардинг. Жизнь без головы: Открытый мир, Ганга; Москва; 2006

ISBN 5-9743-0048-3, 5-98882-018-2

Оригинал: D.Harding, "On Having No Head. Zen and The Rediscovery of the Obvious. Foreword by Huston Smith"

Перевод:

Н. Горина

Аннотация

В 1961 году к Дугласу Хардингу пришел опыт его истинной природы – он назвал его «безголовостью». То, что он считал «собой», внезапно ушло вместе с сокрушительным бременем прошлого. Пришло восприятие всего, словно в первый раз, – чистое и незамутненное, обнажилась красота, которая всегда была здесь. Это Место, по недоразумению общепризнанно считающееся занятым головой (вопреки непосредственному восприятию), – на самом деле вмещает в себя всю Вселенную.

В этой глубокой, блестяще написанной книге предлагается исследовать это Место – самое доступное, близкое и как бы хорошо известное, честное исследование которого (доступное каждому!) таит в себе сокровищницу сюрпризов и невообразимых чудес.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дуглас Хардинг
Жизнь без головы
Дзен или переоткрытие очевидного
Предисловие Хьюстона Смита

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Предисловие

Я думаю, читатели составят самое полное впечатление о втором, исправленном издании «Жизни без головы», если я расскажу им, как ко мне попало первое издание.

В 1961 году я читал лекции в университете Австралии. На обратном пути я сделал остановку в Бангкоке, чтобы обсудить с Джоном Блофельдом его только что изданные переводы «Учения дзэн Хуанбо» и «Учения дзэн Хуйхая». В самом начале беседы Джон, в ответ на какое-то мое замечание, потянулся к тонкой книге, лежавшей на ротанговом кофейном столике, и сказал, что она появилась у него неделю назад, совершенно случайно. Это была «Жизнь без головы». Я уже не помню, по какой причине Джон взял в руки эту книгу, зато хорошо помню, с каким энтузиазмом он говорил о ней. «Не знаю, что за человек этот Хардинг. Он может оказаться и лондонским таксистом, кто его знает, – сказал Джон. – Но понимание у него абсолютно правильное».

На следующий день, когда я уже стоял в дверях, Джон Блофельд снова протянул мне эту книгу, настоятельно советуя прочесть ее в самолете. К тому времени меня так разоблало любопытство, что я не стал даже для приличия отказываться от такого щедрого подарка. В небе над Тихим океаном мне представилась возможность проверить, насколько объективной была оценка Блофельда. Джон не ошибся, у Хардинга действительно было правильное понимание.

Не думаю, что очарование этой книги ощутят все люди, ведь никогда нельзя быть уверенным, что они воспримут именно тот смысл ваших слов, который вы вкладываете в них. Но мне еще не встречался такой же четкий и выразительный текст, как в первой главе «Жизни без головы», который мог бы столь же действенно изменить мировосприятие читателя. И мне понятна причина. Дело в том, что образы гораздо эффективнее рассуждений способствуют интуитивному пониманию, а Хардинг прибег к поистине мощному образу: «У меня нет головы». В первый раз это заявление звучит ошеломляюще, но автор остается верным ему (он то и дело возвращается к своей идее), пока – как и в случае с дзэнскими коанами, которые звучат так же абсурдно, когда мы слышим их впервые, – преграда не разрушается, и мы не начинаем видеть все то же самое, но уже иначе.

*Тайное становится явным.
Когда логика умирает,
Взору открывается истина.*

В первый раз я читал эту книгу в самолете, и, видимо, по ассоциации мне вспоминается еще один полет: рядом со мной сидела очень маленькая седовласая женщина. Она летела на самолете впервые, хотя ей было уже за восемьдесят. Она была не особенно разговорчивой, но в какой-то момент, на высоте 32 тысяч футов над Гранд Рапидс¹, она вдруг повернулась ко мне и, как бы между прочим, с совершенным спокойствием спросила: «Почему мы остановились?» Я вздрогнул, но почти сразу же успокоился, улыбнувшись ее наивности. Однако ко мне уже не вернулось прежнее состояние скуки. Стремительный полет в пространстве без намека на звук или движение уже не казался мне банальным. Мир снова наполнился волшебными красками и почти небрежно открывал свои чудеса.

Шаман племени яки Дон Хуан, о котором писал Кастанеда, учит, что если мы хотим видеть по-настоящему, то должны «остановить мир», пресечь его беспрестанное вращение –

¹ Grand Rapids, второй по величине город в штате Мичиган, США. (Прим. пер.)

потрясающий вопрос моей спутницы над Мичиганом и поразительное заявление Хардинга «у меня нет головы» над Тихим океаном помогли мне остановить мир.

Второе издание «Жизни без головы» значительно улучшено. В книгу были включены примеры не только буддийской, но и других традиций, и добавлена заключительная Глава о «Пути без головы», чтобы интегрировать главную идею книги в обыденную жизнь. Но сама главная идея остается неизменной. Анатта, не-я (под «я» имеется в виду непостоянное индивидуальное «я») – это ключ не только к буддизму. Если ее правильно осмыслить, она станет ключом к самой жизни. «Чем меньше я, тем больше Я», – писал Экхарт.

Интуитивно мы понимаем, что так оно и есть. Нам известно, что мы видим лучше, когда перестаем мешать самим себе. Но такова одна из тех истин, которые мы знаем, но не реализуем, поэтому нужно, чтобы нам постоянно напоминали о ней. А лучше сказать, что эта истина должна открыться нам в новом свете, чему и посвящена данная книга.

Давайте считать Хардинга тайно явившимся к нам *роси* – учителем, облаченным (подумать только!) в книжные обложки. И мы, как прилежные ученики, должны быть готовы принимать наставления откуда угодно.

Хьюстон Смит
Профессор философии
Хэмлинский Университет
Сент-Пол, Миннесота

Пролог

Задолго до того, как в наших краях стала популярной книга «Автостопом по галактике», эта столь же маленькая, дешевая и глубокая книга уже путешествовала по миру, передаваемая из рук в руки друзьями. Она попадалась не только на журнальных столиках, но и на горных тропах, в общежитиях, в домах и школах. Эти экземпляры были уже порядком истрепаны, уголки у них были закручены, но в своей основе они были такими же цельными, как и люди, которым они дарили радость. Главная идея этой книги проникает в самую глубину человека и затрагивает его сердце, побуждая постигать свое сокровенное осознание и делиться им с другими.

Эта книга – не тяжеловесный научный труд (слава Богу!), читать ее будет нетрудно. Так или иначе, недавние блестящие исследования дополнили ее метод и подтвердили ее значение. Джекоб Нидлмен написал о преобразении нашей жизни посредством идей (в противоположность понятиям) в книге «Сердце философии», Кен Уилбер обсудил простоту высшего сознания (и варианты сопротивления ему) в книге «Никаких границ: восточные и западные пути личного роста»², доктор Артур Дейкман определил различие между наблюдающим «я» и наблюдаемым «я» в книге «Наблюдающее "я": мистицизм и психотерапия». Особо отмечу работу Хьюстона Смита о переориентации ключевых способностей восприятия (в противоположность установившейся практике) в книге «За пределами постмодернистского ума». Вот лишь несколько примеров недавних работ, предмет исследования которых Дуглас Хардинг показывает нам из первых рук и от первого лица – в простой, но самой эффективной манере.

Сразу же после своей первой публикации в 1961 году «Жизнь без головы» стала образцом современной литературы о жизни духа. В дополнение к британскому и американскому изданиям, небольшой отрывок этой книги был включен в антологию Хофstadтера и Деннетта «"Я" ума: фантазии и размышления о "я" и душе» (1981 г.), но выбранный отрывок скорее затуманивает главную идею работы Хардинга, поэтому так отрадна публикация данного, исправленного издания «Жизни без головы». В Европе она была издана в 1978 году в переводе на французский язык Жана Ван Харка под названием «Vivre sans tete».

Среди других достижений мистера Хардинга – карьера в области архитектуры; большое количество писательских трудов, посвященных той же теме, что и эта книга, среди которых самая значительная и сложная работа – «Иерархия неба и земли: новая графическая схема человека во вселенной», которая сопровождается восторженным предисловием христианского ученого К. С. Льюиса; запатентованная трехмерная модель под названием «Исследователь личной вселенной»; постоянные семинары по всему миру, призванные передать людям главную идею этой книги.

Но эта книга не о Дугласе Хардинге. Она не ограничена узкими интеллектуальными, организационными или религиозными рамками. Данная книга о том и для того, кто прямо сейчас читает ее.

Джин Р. Ферсби
Адъюнкт-профессор религии
Университет Флориды
Гейнсвилль, Флорида

Автор просил меня особо отметить следующее:

² Издана на русском в издательстве Трансперсонального Института, 2004 г. (Прим. ред.)

Погрузившись в самую суть этой книги на первых же ее нескольких страницах (где она абсолютно очевидна и в полной мере доступна), читателю не следует удивляться и смущаться, если он (она) обнаружит в дальнейшем, что кое-что из описываемого далеко от очевидного и совершенно непрактично. Постичь свою подлинную Природу (или безголовость) – значит быть самостоятельным, ступать по уникальному Пути и делать личные открытия. Цель автора (а он в качестве примеров приводит случаи из своей жизни) заключается в том, чтобы научить нас по-настоящему полагаться на Себя. Как писал Эмерсон: «Человеку важнее научиться находить и созерцать тот луч, который освещает его ум изнутри, нежели сияние небесного свода поэтов и мудрецов».

Глава 1

Истинное видение

Представьте себе, что здесь вдруг появится человек и отсечет вам голову мечом!

Хуйчжун

Обезглавьте себя!.. Растворите все свое тело в Видении и станьте одним бесконечным восприятием!

Руми

Моя душа уносится прочь, а вместе с ней обычно и голова, и я не в силах помешать этому.

Мать Тереза

Прикрой свою грудь пустотой, набрось на голову мантию небытия.

Аттар

Отдайся полностью... Даже если нужно отказаться от самой головы, зачем плакать по ней?

Кабир

Вглядеться в Ничто – вот истинное видение, вечное видение.

Шэньхуй

Лучший день моей жизни – день моего, так сказать, перерождения – наступил, когда я обнаружил, что у меня нет головы. Это не литературный прием, не хитрый ход, замысленный, чтобы вызвать интерес любой ценой. Я говорю абсолютно серьезно: у меня нет головы.

Это открытие я сделал, когда мне было тридцать три года. И хотя это событие произошло совершенно неожиданно, оно стало ответом на настойчивое исследование: в течение нескольких месяцев я был поглощен вопросом «Кто я?». Тот факт, что я тогда путешествовал по Гималаям, вряд ли имел к этому какое-то отношение, хотя говорят, что в тех местах необычные состояния сознания не редки. Как бы то ни было, очень тихий ясный день и вид с того горного хребта, где я стоял, на затянутые дымкой долины и высочайшую горную гряду в мире создавал обрамление, достойное величайшего видения.

Случившееся было до нелепости простым и непримечательным: просто на мгновение я перестал думать. Рассудочность, воображение и вся мысленная болтовня затихли, слова иссякли по-настоящему. Я забыл свое имя, свою человеческую природу, свою вещественность, все то, что могло называться мной или моим. Прошлое и будущее исчезли. Я будто заново родился в тот миг, свободный от ума и всех воспоминаний. Существовало только Сейчас, тот настоящий момент и все, что несомненно присутствовало в нем. Было достаточно просто смотреть. И вот что я увидел: брюки цвета хаки, заканчивающиеся внизу парой коричневых ботинок, рукава цвета хаки, заканчивающиеся парой розовых кистей, и перед рубашки цвета хаки, заканчивающийся... абсолютно ничем! Уж точно не головой.

Мне не потребовалось много времени, чтобы заметить, что это ничто, эта дыра там, где должна была быть голова, была не просто пустым местом, не просто ничем. Напротив, она была полностью заполнена. Это была обширная пустота, наполненная до предела, ничто, включающее в себя все – траву, деревья, тенистые холмы вдаль и высоко над ними снежные вершины, плывущие в синеве неба подобно стае угловатых облаков. Я потерял голову и обрел целый мир.

У меня буквально захватило дух. Казалось, я вообще перестал дышать, поглощенный Данностью. Он был здесь, этот великолепный вид, ярко сияющий в прозрачном воздухе, ничем не дополненный и не поддерживаемый, загадочным образом висящий в пустоте и – что было по-настоящему чудесно, волшебным и прекрасно – совершенно свободный от «меня», незапятнанный никаким наблюдателем. Его абсолютное присутствие было моим абсолютным отсутствием, телом и душой. Легче воздуха, прозрачнее стекла, полностью свободный от себя, я не находился нигде вокруг.

Но несмотря на магический, сверхъестественный характер этого видения, оно не было ни сном, ни эзотерическим откровением. Напротив, оно ощущалось как внезапное пробуждение от сна обыденной жизни, окончание сновидения. Это была самосветящаяся реальность, свободная от затуманивающего ума. *Это было открытие совершенно очевидного*, момент ясности в запутанной истории жизни. Я перестал игнорировать то, что всегда, по крайней мере с раннего детства, не замечал, потому что был слишком занят, слишком рассудителен или слишком напуган. Это было чистое, безусловное внимание к тому, что всегда смотрело мне прямо в лицо, – моей абсолютной безликости. Говоря кратко, это было совершенно просто, ясно и прямо, вне суждений, мыслей и слов. Не возникало ни вопросов, ни ассоциаций, помимо самого переживания, – только покой и тихая радость и ощущение, что с меня спала невыносимая ноша.

Глава 2

Осмысление видения

Нужно отказаться от веры в то, что человеческое тело отделено от души. Я добьюсь этого... растопив видимые поверхности и проявив скрытую доныне бесконечность.

Блейк

«Я пойду и встречу с ней», – сказала Алиса. «Тебе не удастся сделать это, – ответила Роза. – Советую тебе пойти в другую сторону». Слова Розы показались Алисе бессмысленными, поэтому она, ничего не сказав, сразу же пошла по направлению к Красной Королеве, но, к своему удивлению, тотчас же потеряла ее из виду.

«Алиса в Зазеркалье»

*Я не образец сказочной красоты,
Найдутся и гораздо более красивые люди.
Но мое лицо меня устраивает,
Потому что я за ним.
Оно может оскорбить лишь вкус тех,
кто передо мной.*

Приписывается Вудроу Уилсону

По мере того как первый восторг от моего гималайского открытия постепенно проходил, я начал описывать его сам для себя примерно следующим образом.

Раньше я, не вдаваясь в детали, так или иначе представлял, что я населяю свой дом-тело и выглядываю наружу через два маленьких круглых окошка. Теперь оказалось, что все совершенно не так. Когда я гляжу вдаль, как я могу узнать в этот момент, сколько у меня глаз – два, три, сто или ни одного? В сущности, на *этой* стороне моего фасада есть только одно окно, и окно это широко распахнуто, лишено контуров и необъятно, причем никто из него не выглядывает. Всегда оказывается, что у какого-то другого человека есть глаза, а также лицо, обрамляющее их, а у этого – никогда нет.

Значит, существуют два сорта, два кардинально различающихся вида человеческих существ. У первого, к которому, по моим наблюдениям, относится бесчисленное количество представителей, очевидно есть голова на плечах (под «головой» я подразумеваю непрозрачный цветной восьмидюймовый волосатый шар с разнообразными отверстиями), а у единственного известного мне представителя второго вида, очевидно, ничего подобного на плечах нет. Подумать только, что до сих пор я не замечал такого существенного различия! Словно жертва продолжительного приступа безумия, своего рода пожизненной галлюцинации (под «галлюцинацией» я имею в виду, как сказано в моем словаре, кажущееся восприятие предмета, на самом деле отсутствующего), я неизменно считал себя таким же, как все остальные люди, и уж точно никогда не представлял себя безголовым, но все еще живым двуногим. Я закрывал глаза на то единственное, что присутствует всегда и без чего я действительно незряч, – на этот чудесный заменитель головы, эту безграничную ясность, эту сияющую и абсолютно чистую пустоту, которая, тем не менее, сама есть (скорее есть, чем содержит) все, что есть. Поскольку, как бы внимательно я ни присматривался, я не нахожу даже пустого экрана, на который спроецированы эти горы, солнце и небо, или чистого зеркала, в котором они отражаются, или прозрачной линзы или глазка, через который они рассматриваются, не говоря уже о том, что я не нахожу того человека, которому все это пока-

зывается, или хоть какого-нибудь зрителя (даже самого призрачного), которого можно было бы отделить от самой картины. Ничто, ничто не вмешивается, даже это непостижимое и неуловимое препятствие, называемое «расстоянием»: явно бескрайнее голубое небо, окаймленная розоватыми тенями белизна снегов, сверкающая зелень травы – как могут они быть «далеки», когда нет ничего, от чего можно было бы отдалиться? Безголовая пустота сопротивляется любому размещению и определению: она не круглая, не маленькая, не большая, и нельзя даже сказать, что она «здесь», а не «там». (Впрочем, *если бы* здесь была голова, от которой можно было бы измерять расстояние, то линейка, протянутая от нее до горной вершины, если смотреть на нее с моего конца – а для меня нет другого способа на нее смотреть, – превратится в точку, в ничто.) На самом деле, эти цветные формы показывают себя во всей простоте, без таких усложняющих приемов, как близко или далеко, это или то, мое или не мое, увиденное мной или просто данное. Любая двоякость, любая двойственность субъекта и объекта исчезла – она больше не вписывается в ситуацию, в которой для нее нет места.

Такие мысли посетили меня после видения. Впрочем, пытаться втиснуть этот прямой, непосредственный опыт в форму тех или иных слов означает исказить его, усложняя саму простоту: чем дольше тянется посмертное вскрытие, тем больше мы удаляемся от живого оригинала. В лучшем случае такие описания могут напомнить о видении (без яркой осознанности) либо спровоцировать его повторение, но они так же бессильны передать его суть или вызвать его, как самое аппетитное меню неспособно передать вкус обеда или лучшая книга о юморе – помочь кому-нибудь понять шутку. С другой стороны, невозможно перестать думать надолго, так что попытки связать ясные интервалы жизни с неясным фоном неизбежны. Кроме того, как я уже сказал, такие описания могут косвенно способствовать повторению ясности.

В любом случае несколько логических возражений отказываются ждать дальше, причем эти вопросы настаивают на разумных ответах, какими бы недоказательными они ни были. Становится необходимо «подтвердить» свое видение, даже самому себе, а также друзья могут нуждаться в убеждении. В каком-то смысле эта попытка приручения абсурдна, поскольку никакие доводы не могут как-то повлиять на переживание, столь же простое и неоспоримое, как звук ноты *до* или вкус клубничного варенья. С другой стороны, однако, такие попытки необходимы, если мы не хотим, чтобы наша жизнь распалась на два абсолютно чуждых друг другу, непримиримых отсека.

* * *

Мое первое возражение было таким: голова, может быть, и отсутствует, но не нос. Вполне заметный, он шествует впереди меня, куда бы я ни шел. А ответ был таким: если это туманное, розоватое и совершенно прозрачное облачко, висящее справа, и такое же облачко, висящее слева, – это носы, то у меня не один нос, а два, а эта совершенно непрозрачная одиноко выступающая деталь, которую я так отчетливо вижу в середине твоего лица, – это не нос: только абсолютно бесчестный или замороженный наблюдатель стал бы намеренно использовать одно и то же слово для столь несхожих вещей. Я предпочитаю следовать своему словарю и обычному смыслу слов, что обязывает меня заключить, что, хотя у большинства людей имеется нос – по шутке на каждого, – у меня нет ни одного.

И все-таки, если бы какой-нибудь заблуждающийся скептик, сверх меры озабоченный доказательством своей точки зрения, ударил бы кулаком в нужном направлении, целясь промеж двух розовых туманностей, результат был бы столь же болезненным, как если бы у меня был самый материальный и ударопригодный нос. И опять же, как объяснить целый комплекс легких напряжений, движений, давлений, зуда, щекоток, болей, тепла и пульсаций, никогда вполне не покидающих эту центральную область? Наконец, как быть с тактильными ощу-

щениями, которые возникают, когда я исследую это место рукой? Казалось бы, все эти свидетельства, собранные вместе, дают достаточно оснований наличия у меня головы здесь и сейчас.

На мой взгляд, ничего они не дают. Несомненно, здесь присутствует множество разнообразных ощущений, которые невозможно игнорировать, однако в сумме они не составляют голову или что-либо подобное. Единственный способ сделать из них голову – это добавить всевозможные, явно отсутствующие здесь ингредиенты – в особенности всякого рода трехмерные цветные формы. Разве можно назвать головой то, что, хотя и содержит бесчисленные ощущения, явно лишено глаз, ушей, рта, волос и вообще всего того телесного оборудования, которое наблюдается у других голов? Очевидно, это место не должно быть загромождено подобными препятствиями, туманными или цветными деталями, которые могли бы исказить мою вселенную.

В любом случае каждый раз, когда я пытаюсь нащупать свою голову, я не только не нахожу ее, но и теряю руку, которой шупаю: она тоже оказывается поглощенной бездной в центре моего существа. Очевидно, эта зияющая пустота, это ничем не заполненное ядро всех моих действий, эта ближайшая, но практически неизведанная область, это волшебное место, где, как мне казалось, должна быть моя голова, на самом деле больше похожа на сигнальный огонь, столь яростный, что все приближающееся к нему мгновенно и полностью уничтожается, чтобы его освещающая весь мир яркость и ясность ни на миг не заслонялась. Что касается таящихся там болезненных, щекочущих и прочих ощущений, они так же не могут погасить или заслонить эту центральную яркость, как не могут этого сделать горы, облака и небо. Напротив, все они существуют в ее сиянии, и через них ее сияние становится видимым.

Настоящий опыт, какой бы смысл в нем ни заключался, возможен только в пустой и отсутствующей голове. В здесь и сейчас мой мир и моя голова несовместимы – они не сочетаются. Для них обоих нет места на плечах, и мне повезло, что исчезла именно голова со всей ее анатомией. Речь идет не о доказательствах, не о философской проницательности, не о достижении какого-то состояния, а о простом смотреии: *посмотри, кто здесь*, вместо *представь, кто здесь*, или *поверь другим, кто здесь*. Если я не могу увидеть, что я есть (и в особенности, что не есть я), – это потому что во мне слишком много воображения, «духовности», взрослости и знаний, доверчивости, обусловленности обществом и языком, страха перед очевидным, чтобы принять ситуацию такой, какой я воспринимаю ее в данный момент. Только я могу сказать, что здесь есть. Мне нужна некая чуткая наивность. Требуется чистый взгляд и пустая голова (не говоря уже об отважном сердце), чтобы признать их совершенную пустоту.

* * *

Возможно, есть лишь один способ переубедить скептика, который продолжает настаивать, что у меня есть голова, – пригласить его сюда и предложить посмотреть самому. Но он должен быть честным свидетелем, описывающим только то, что видит, и ничего более.

С дальнего конца комнаты он видит меня в полный рост как человека с головой. Но по мере того как он подходит ближе, он видит только полчеловека, затем только голову, затем расплывчатую щеку, или глаз, или нос, затем просто неясное пятно, и, наконец (в точке соприкосновения), – вообще ничего. Если же у него окажется необходимое исследовательское оборудование, он сообщит, что неясное пятно распадается на ткани, затем на группы клеток, затем остается одна клетка, клеточное ядро, большая молекула... и так далее, пока он не дойдет до места, где вообще ничего не видно, – до пространства, свободного от любых плотных или материальных объектов. В обоих случаях наблюдатель, приходящий

сюда посмотреть, как это выглядит, находит то же, что и я, – пустоту. И если, обнаружив и разделив со мной мою несущность, он обернется (смотря наружу вместе со мной, а не внутрь на меня), он снова обнаружит то же, что и я, – что эта пустота наполнена до краев этой картиной. Он тоже обнаружит эту центральную Точку, взрывающуюся в Бесконечный Объем, это Ничто – во Все, это Здесь – в Везде.

И если мой скептический наблюдатель все еще боится полагаться на свои чувства, он может взять камеру – инструмент, который при отсутствии воспоминаний и ожиданий может фиксировать только то, что находится там же, где и он сам. Камера покажет все те же образы меня. Там она снимет человека, посередине – отдельные кусочки человека, здесь – не человека, ничто, а повернутая в обратную сторону, – его мир.

* * *

Итак, *эта* голова – не голова, а лжеголовая концепция. Если я все еще могу обнаружить здесь голову, значит у меня «глюки» и мне срочно нужно к врачу. И не важно, свою я голову обнаруживаю, или голову Наполеона, или девы Марии, или яичницу, или прекрасный букет цветов – любой набалдашник на плечах означает тяжелые галлюцинации.

Во время периодов ясности, однако, становится очевидно, что здесь я совершенно безголов. Но там, с другой стороны, я совсем не безголов, там у меня столько голов, что я не знаю, что с ними делать. Таящиеся в видящих меня людях и в камерах, выставленные напоказ в рамках фотографий, корчащие рожи в зеркалах для бритья, выглядывающие из круглых дверных ручек, ложек и кофейников и вообще всего хорошо отполированного, мои головы всегда выскакивают мне навстречу – хотя и довольно съездившиеся и искривленные, вывернутые задом наперед и снизу вверх и размноженные до бесконечности.

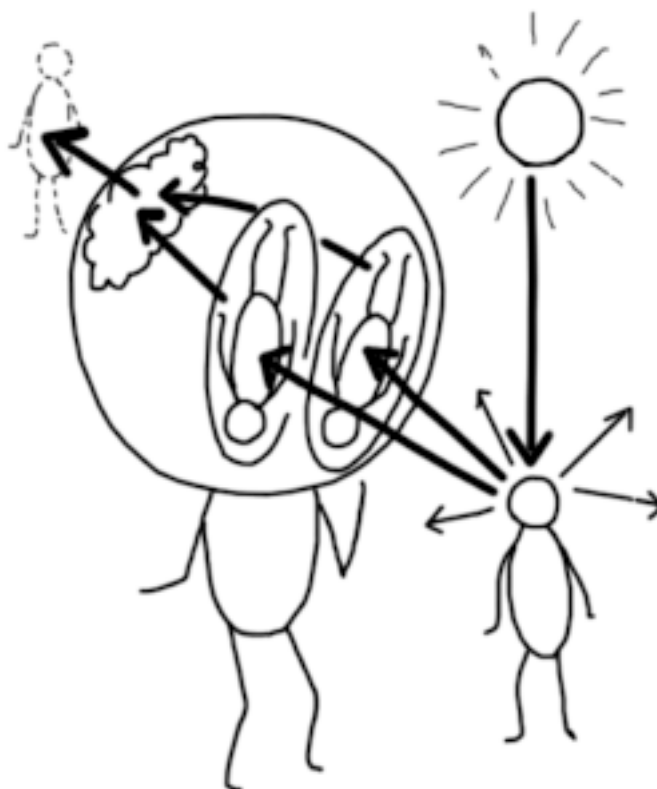

Но есть одно место, где ни одна моя голова просто не может оказаться, – это место здесь, на моих плечах, где она могла бы заслонить эту Центральную Пустоту, мой источник

жизни. Но к счастью, ничто не может этого сделать. На самом деле, эти беспутные головы никогда не смогут собраться во что-то более связанное, чем непостоянные и незначимые случайности «внешнего», или феноменального мира, который хотя и един с Центральной Сущностью, но не способен оказать на нее ни малейшего влияния. Так и моя голова в зеркале настолько незначима, что я совершенно не обязан считать ее своей: маленьким ребенком я не узнавал себя в зеркале, вот и сейчас не узнаю, когда на миг ко мне возвращается моя невинность. В более разумные мгновения я вижу там человека, очень знакомого парня, который живет в той другой ванной комнате в зеркале и по-видимому проводит все свое время, пляясь на эту ванную комнату – этот маленький, хмурый, очерченный, видный во всех деталях, стареющий и такой уязвимый наблюдатель – прямая противоположность моего истинного Я здесь. Я никогда не был чем-то отличным от этой вечной, неизмеримой, ясной и совершенно безупречной Пустоты. Немыслимо, чтобы я мог спутать этот плящущийся призрак там с тем, как я в действительности воспринимаю себя здесь и сейчас и всегда!

* * * *

Все это, каким бы очевидным оно ни было в прямом опыте, кажется чудовищным парадоксом, оскорблением здравого смысла. Это также оскорбление для науки, которая представляет собой все тот же здравый смысл, только приведенный в должный вид. Как бы то ни было, у ученого свои представления о том, как я вижу одни вещи (твою голову, например), но не другие (например, мою голову), и, очевидно, его представления работают. Вопрос только в том, может ли он поместить мою голову обратно мне на плечи – туда, где, по уверениям людей, ей самое место?

В самом кратком и простом виде его история о том, как я вижу тебя, выглядит следующим образом. Свет покидает солнце и через восемь минут достигает твоего тела, которое частично его поглощает. Остальное отскакивает от него во всех направлениях, и какая-то часть достигает моих глаз, проходя через хрусталики и формируя перевернутую картину тебя на экране позади глазного яблока. Эта картина запускает химические процессы в све-

точувствительном веществе, и эти процессы воздействуют на клетки (это такие крошечные живые существа), из которых состоит экран. Они передают свое возбуждение другим, очень длинным клеткам, а эти в свою очередь – клеткам в определенной области моего мозга. И только когда достигнута эта конечная точка и молекулы, атомы и частицы этих клеток мозга также подвергаются воздействию, я вижу тебя или что-то еще. То же относится и к другим чувствам – я не могу ни видеть, ни слышать, ни чувствовать запах или вкус, ни воспринимать что-либо на ощупь, пока в этот центр после множества радикальных изменений и отсрочек не поступят все сходящиеся импульсы. И только в этой конечной точке, в этом месте и моменте всех прибытий на Главную Центральную Станцию моего Здесь-и-Сейчас вся система сообщений – то, что я называю своей вселенной, – вдруг обретает существование. Для меня это время и место всего творения.

В этой простой научной истории есть множество странностей, крайне далеких от здравого смысла. И самая странная из них – что вывод этой истории отрицает саму историю. Потому что он говорит, что я могу знать только то, что происходит здесь и сейчас, на этом вокзале мозга, где чудесным образом создается мой мир. Я совершенно не могу узнать, что происходит где-то еще – в других областях моей головы, в моих глазах, во внешнем мире, – если, конечно, вообще есть какое-то «где-то еще», какой-то внешний мир. Объективная истина состоит в том, что мое тело, твоё тело, все на этой Земле, да и сама Вселенная – то, какими они могут быть там, в своем собственном пространстве, независимо от меня – это всего лишь выдумка, не стоящая нашего внимания. Нет и не может быть никакого доказательства двух параллельных миров (непознанного внешнего, или физического, мира там и известного внутреннего, или ментального, мира здесь, который загадочным образом удваивает его), а только одного этого мира, который всегда передо мной и в котором я не вижу никакого разделения на сознание и материю, внутреннее и внешнее, душу и тело. Это то, что наблюдается, ни больше ни меньше, это взрыв того центра, той станции, где должно находиться «я», или «мое сознание», – взрыв такой силы, что он изливается в эту бескрайнюю картину, которая сейчас передо мной, которая и *есть* я.

Вкратце, научная история восприятия не только не противоречит моей наивной истории, но и подтверждает ее. Предварительно и благоразумно, ученый поместил голову мне на плечи, но она вскоре была вытеснена вселенной. Разумный, или непарадоксальный, взгляд на меня как на «обычного человека с головой» совсем не выдерживает критики – как только я начинаю внимательно его исследовать, он оборачивается чепухой.

* * *

И все же, говорю я себе, он вполне пригоден для повседневных практических целей. Я действую так, будто здесь, точно в центре моей вселенной, висит плотный восьмидюймовый шар. Хотелось бы добавить, что в этом нелюбопытном, воистину твердолобом мире, в котором мы все живем, невозможно избежать такого проявления абсурдности: эта выдумка настолько убедительна, что вполне могла бы быть правдой.

На самом деле это всегда ложь, и довольно часто – весьма неудобная. Из-за нее можно даже лишиться денег. Представьте, например, дизайнера рекламы, которого никто не обвинит в фанатичной преданности истине. Его дело – убедить меня в чем-то, а самый эффективный способ сделать это – представить меня на экране таким, какой я есть в действительности. Соответственно, ему придется не учитывать мою голову. Вместо того чтобы показать другой вид человека – человека с головой, – подносящего бокал или сигарету ко рту, он показывает, как это делает мой вид: правая рука (под безусловно правильным углом в правой нижней части экрана, более или менее лишенная предплечья) поднимает бокал или сигарету к этому не-рту, этой зияющей пустоте. Это совсем не чужой человек, а я сам – так, как я

вижу себя. И почти неизбежно я вовлекаюсь. Неудивительно, что эти разрозненные части тела, появляющиеся в углах экрана без участия контролирующего механизма головы в центре для соединения или управления ими, кажутся мне совершенно естественными: у меня никогда и не было ничего другого! И реализм рекламщика, его профессиональное неосознанное знание того, каков я на самом деле, очевидно, окупается сполна: когда моя голова исчезает, непременно падает и моя сопротивляемость распродажам. Однако у всего есть границы: вряд ли он, к примеру, покажет розовое облачко прямо над бокалом или сигаретой, потому что я в любом случае сам возьму этот кусочек реализма. Нет смысла давать мне еще один прозрачный призрачный нос.

Режиссеры – тоже практичные люди, гораздо более заинтересованные в пересказанном воссоздании переживания, чем в выяснении природы переживающего, но по сути одно влечет за собой другое. Несомненно, эти знатоки хорошо осознают, например, как слаба моя реакция на вид машины, которую ведет кто-то другой, по сравнению с моей реакцией на вид машины, которую, как кажется, веду я. В первом примере я наблюдатель на тротуаре, который видит две похожие машины, – они быстро приближаются, сталкиваются, водители погибают, машины в огне – мне *слегка* интересно. Во втором случае я один из водителей – разумеется, без головы, как и все водители в первом лице, и моя машина (то небольшое, что от нее видно) неподвижна. Вот мои качающиеся колени, моя ступня, давящая изо всех сил на газ, мои руки, вцепившиеся в руль, длинный капот впереди, проносящиеся со свистом телефонные столбы, петляющая дорога и другая машина – сначала маленькая, но все увеличивающаяся в размерах, несущаяся прямо на меня, затем столкновение, яркая вспышка света и пустая тишина... Я откидываюсь на спинку кресла и перевожу дыхание. Вот так прокатили!

Как снимаются эти сцены в первом лице? Возможны два способа: или берется безголовый манекен с камерой на месте головы, или реальный человек, чья голова сильно откинута назад или в сторону, чтобы оставить место для камеры. Другими словами, чтобы я мог

отождествиться с актером, его голову нужно убрать – он должен стать таким, как я. Потому что картинка меня с головой совсем лишена сходства – это портрет кого-то другого, ошибка опознания.

Любопытно, что нужно идти к рекламщику, чтобы заглянуть в глубочайшую и наипростейшую истину о самом себе. Странно также, что сложное современное изобретение (камера) должно помочь избавиться от иллюзии, от которой свободны совсем маленькие дети и животные. Но и в другие времена были свои достаточно любопытные указатели на слишком очевидное, и наша человеческая способность к самообману, разумеется, никогда не была окончательной. Глубокое, хотя и смутное осознание состояния человека может хорошо объяснить популярность множества древних культов и легенд о потерянных и летающих головах, одноглазых и безголовых монстрах и привидениях, о человеческих телах с нечеловеческими головами и о мучениках, которые умудрялись пройти многие мили после того, как им отрубали голову. Несомненно, это фантастические картины, но они подошли ближе к истинному портрету *этого* человека в первом лице единственного числа настоящего времени, чем когда-либо сможет подойти здравый смысл.

* * *

Мой гималайский опыт, таким образом, был не просто поэтической выдумкой или мистическим полетом фантазии. Во всех смыслах он обернулся трезвым реализмом. И постепенно, в последующие месяцы и годы я осознал всю полноту его практических значений и применений.

Например, я увидел, что это новое видение в два счета меняет мои отношения с другими людьми и вообще со всеми существами. Во-первых, потому что оно делает невозможным противостояние. Когда я встречаю тебя, для меня существует только одно лицо – твое, так что я никогда не смогу оказаться с тобой лицом к лицу. По сути, мы обмениваемся лицами, и это самый драгоценный и интимный обмен внешностями. Во-вторых, потому что это дает мне отличную возможность заглянуть в Реальность, скрытую за твоей внешностью, в такого тебя, какой ты для самого себя, и у меня есть все причины считать эту Реальность твоим миром. Ибо я должен верить, что то, что верно для меня, верно для всех, что мы все в одинаковом положении – сведены к безголовой пустоте, к ничто, и можем объять все и стать всем. Этот маленький, кажущийся материальным человек с головой, которого я встречаю на улице, – вот кто призрак, не выдерживающий детального рассмотрения, хорошо замаскированный, ходячая противоположность и противоречие *реальному*, чье внутреннее и внешнее бесконечно, и мое уважение к этому человеку, как и к любому живому существу, также должно быть бесконечным. Его ценность и великолепие нельзя переоценить. Теперь я точно знаю, кто он и как с ним обращаться.

Фактически, он (или она) и есть я. Пока у нас были головы, мы очевидно были двумя. Но теперь мы – безголовая пустота, так что может разделить нас? Я не могу найти никакую раковину, заключающую эту пустоту, которая есть я, – никакую форму, никаких границ, поэтому ей ничего не остается, как только слиться с другими пустотами.

И я отличный пример такого слияния. Я не сомневаюсь в словах ученого, который говорит, что с его наблюдательной позиции у меня имеется ясно очерченная голова, состоящая из колоссальной иерархии ясно очерченных тел – органов, клеток и молекул – неисчерпаемо сложный мир физических вещей и процессов. Но случайно оказалось, что я знаю (или, скорее, я есть) внутреннюю историю этого мира и всех его обитателей, и она совершенно не совпадает с внешней историей. Прямо здесь я обнаружил, что все члены этого обширного сообщества, от мельчайшей частицы до самой головы, исчезли, как темнота в солнечном

свете. Посторонний не может говорить за них, только я имею на это право, и я клянусь, что они все ясные, простые, пустые и единые, без малейшего следа разделенности.

Если это относится к голове, то в той же мере относится и ко всему остальному, что я считаю «собой» и «здесь», – то есть ко всему этому телу-уму. Что собой в действительности представляет то, где я сейчас (спрашиваю я себя)? Заперт ли я внутри того, что Марк Аврелий называл мешком крови и коррупции (и что мы могли бы назвать ходячим зоопарком, или городом клеток, или химической фабрикой, или облаком частиц), или я снаружи этого? Провожу ли я жизнь внутри плотной человекообразной конструкции (едва ли шесть футов на два на один) или снаружи этой конструкции, или, возможно, и внутри и снаружи? На самом деле все совсем не так. Здесь нет никаких препятствий, нет ни внутри, ни снаружи, ни места, ни его отсутствия, ни укрытия или пристанища – я не нахожу здесь дома, в котором можно было бы жить или вне которого я был бы вынужден оставаться, и ни дюйма земли, на которой его можно было бы построить. Но эта бездомность вполне меня устраивает – пустота не нуждается в доме. Короче говоря, этот физический порядок вещей, так плотно выглядящий на расстоянии, всегда растворяется без остатка при действительно ближайшем рассмотрении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.